

ЮМ

СЕВАК АРАМАЗД

АРМЕН

Севак Арамазд

Армен

«WebKniga»

2011

Арамазд С.

Армен / С. Арамазд — «WebKniga», 2011

Роман «Армен» Севака Арамазда – это пронзительная история человеческой судьбы в современном мире и обществе, где самое трудное и самое опасное – быть человеком. Одновременно легенда и документ, притча и живое место событий, зеркальность естественного и сверхъестественного живут в этой книге, густой, как сказочный лес и раскаленный космос. Это космос Шекспира, Эдгара По, братьев Гримм и Хичкока. Роман написан прекрасным армянским прозаиком, поэтом, эссеистом и переводчиком немецкой классики, который живет и работает в Германии (Юнна Мориц).

© Арамазд С., 2011

© WebKniga, 2011

Содержание

ДВА СЛОВА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая	7
1	7
2	8
Глава вторая	14
1	14
2	14
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Севак Арамазд Армен

ДВА СЛОВА Вместо предисловия

Время от времени у каждого человека возникает необходимость навести порядок в своем доме. Та же рука, которая создавала хаос, разбрасывая все вокруг, – та же самая рука теперь бережно протирает и раскладывает вещи по местам. Вот так и я однажды решил навести порядок в собственной жизни: настезь открыл окна памяти, чтобы проветрить каждый ее уголок, распахнул пространство любви и тоски, выбросил прочь ветошь ненависти и злобы, стер толстый слой пыли со своих чаяний и надежд и поставил на стол настоящего прозрачную вазу былого, из которой пьют яркие цветы будущего.

И когда устало присел, чтобы немного перевести дух, почувствовал вдруг, как разливается в душе неуловимый аромат вечности, – и незаметно задремал. А очнувшись, увидел свое отражение в зеркале пережитого, висящем напротив, на стене суровой реальности, – и улыбнулся: рядом со мной на столе лежала эта книга – почти сплошь жизнь и чуточку литература.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

Добравшись до тихой и безопасной поляны, молодой человек по имени Армен остановился и прислушался, тяжело дыша и внимательно глядя по сторонам. Сюда не доносилось ни звука. Вытянувшиеся деревья самозабвенно пили тишину заката, точно старались не уронить ни капли льющегося с неба драгоценного света, который, тем не менее, ускользал от них, падал на землю и рассыпался в траве. Казалось, лес трепещет и содрогается каждым листком. «Как я...» – мелькнуло у него в голове, и внезапно он почувствовал лютый голод. Хотел положить рюкзак на землю, но безотчетно рванулся вперед и на ходу дрожащей рукой вытащил из рюкзака небольшой прозрачный пакет с круглыми пирожками величиной с грецкий орех. Он купил их при входе в село у сидевшей на обочине дороги старухи, при этом ему бросилось в глаза сходство между ее маленькой круглой фигурой и испеченными ею пирожками. Сейчас, вспомнив изучающе-подозрительный взгляд старухи, когда она протянула ему пакет, молодой человек пожалел о своем неуместном великодушии и подумал, что, не остановившись он возле нее и не потеряв время на покупку, он не встретил бы тех троих, что хотели его убить.

Дело в том, что в этом небольшом селе, приютившемся в уголке лесистой долины, при невыясненных обстоятельствах погиб двенадцатилетний мальчик, сын старосты села, его тело нашли недалеко от ветхого и уже покинутого жилища, в котором жил какой-то чужеземец; все решили, что именно он убил ребенка – убил и скрылся. Молодой человек случайно забрел сюда в поисках работы и узнал об этом от местного мальчугана, когда попросил его указать дом старосты, но тот, сбивчиво рассказав о случившемся, испуганно повернулся и удрал. В тот же миг молодой человек почувствовал, что в пустынности этого укрывшегося в лесу маленького села таится засада, и решил было вернуться, но в это время, преградив ему путь, из-за деревьев вышли три свирепых типа и угрожающе двинулись на него. То, что последовало за этим: шум, крики, брань, удары, обрушившиеся на него со всех сторон, – было каким-то кошмаром, от которого в памяти остались смутные, бессвязные обрывки. Отчетливо помнил он лишь то, что во время всей этой неразберихи его не покидало чувство глубокого, непостижимого стыда и страх перед тем, что он может упасть и это будет конец. А потом в какой-то момент драки его ослепил блеск узкого лезвия, и он яростно набросился на того, кто был с ножом, заломил ему руку, заставил выпустить оружие из его обмякших потных пальцев и, не обращая внимания на двух остальных, продолжавших осыпать его ударами, подобрал нож и забросил его в гущу деревьев. Один из нападавших тут же рванулся за ножом, двое оставшихся опешили, не зная, что делать, и он, воспользовавшись заминкой, подхватил упавший на землю рюкзак и скрылся...

Молодой человек поднес пирожок ко рту, но ему почудился звук шагов за спиной. Он тревожно оглянулся, однако на тропинке никого не было, и только жужжание нескольких кропотливых вечерних жуков на поляне нарушало тишину леса. Внезапная мысль о том, что недавнее происшествие – вовсе не недоразумение, а как бы неизбежное возмездие, вызвала в нем смутное и гнетущее чувство, точно именно он стал причиной гибели ребенка. Он вспомнил, как его уверения в невиновности наталкивались на удручающее непонимание: те трое поначалу только орали и угрожали, к действиям они перешли после того, как его собственные объяснения неожиданно для него самого стали звучать неубедительно и он, подавленный, невольно опустил голову: в ту минуту ему показалось, что он в самом деле убил ребенка...

– Им было ясно только одно: ребенка убил чужак... – прошептал молодой человек и с удивлением почувствовал, что это, как ни странно, правда – независимо от того, что произошло в действительности.

Вот, оказывается, что имеют в виду говоря «чужбина»: это обреченность, причем неважно, виновен ты или нет.

Он сел на траву, не представляя, что делать дальше. Впервые в жизни он со всей остротой осознал безвыходность своего положения. Медленным взглядом обвел окрестность: лес равнодушно молчал, погрузившись в себя и словно чего-то ожидая... Чего?.. Того, что уже бывало сотни, тысячи, бессчетное множество раз! Но это жизнь леса, не имеющая к нему никакого отношения. И трава, на которой он сейчас сидит, не имеет к нему отношения. Так же, как и ничтожный муравей, который запутался в волосках его запястья и мечется, ища выход. Глаза молодого человека увлажнились...

Он родился в Армении, в затерянном среди высоких гор маленьком селе Сар, где разбросанные дома почти сливаются с утесами и валунами. Дом, в котором он появился на свет и вырос – единственным ребенком своих родителей, рухнул в одночасье в темную, ненастную осеннюю ночь от неожиданного и страшного подземного толчка. И сейчас, когда он вспомнил заплаканное лицо матери и невыразимое отчаяние отца, молча и потерянно стоявших над руинами, сердце его разрывалось на части. Показалось, что причина их горя – только он и его беспомощность. И горькое чувство, не покидавшее его с того дня, как он попал в эту чужую и далекую страну, вспыхнуло в нем с новой силой: он точно упал с непостижимой высоты и приземлился здесь, в этом месте, представляющем огромную ухабистую равнину, некое безымянное пространство, как бы убегающее из-под ног одновременно во все стороны. Он, всегда живший рядом с небом, выше облаков, чуть ли не в обнимку с солнцем, слышавший ночной шепот звезд, хватавший стремительный ветер за гриву, растворявшийся в молчании бездонных пропастей, оказавшись здесь, в этой стране, чувствует, что его четвертуют четыре стороны света, что он расщепляется, рассеивается в непроглядных туманах далеких горизонтов. И тогда заплакал молодой человек по имени Армен, сидя на глиняном полу этой страны, понимая, что это его судьба и с нею – хочешь не хочешь – надо смириться. Так нашел он способ не ропща переносить ее капризы в чужом краю, и так было до сегодняшнего дня, до инцидента в этом богом забытом селе, где ему открылось истинное лицо чужбины, и он содрогнулся так, словно впервые заглянул в глаза смерти...

Он отправил в рот и попробовал разжевать пирожок, но тот, несмотря на аппетитный вид, оказался на удивление черствым и твердым, как орех. От боли в деснах он чуть не взвыл. Потом сиротливо съежился и лишь теперь почувствовал, что все тело у него ноет от жестоких побоев.

Особенно сильно болел нос. Он осторожно ощупал его: нос распух и был словно сдвинут в сторону. Ладонью вытер губы – увидел кровь. Кровь была и на пирожке. Он ощутил во рту вкус крови. И тут до него дошел истинный смысл того, что произошло. Будто кто-то неведомый пытался его унижить...

– Не выйдет! – глухо прошептал он, сплюнув красную слюну и сжав губы.

Волна безудержного гнева поднималась в груди и наполняла его какой-то непривычной силой. То была сила жизни. Сила его жизни. Его сила. И никто не может отнять у него эту силу...

Он еще немного посидел, потом легко вскочил на ноги и решительной походкой продолжил путь.

2

Выйдя из лесу и проходя над мутной и хмурой рекой, отделявшей лес от степи, он на минуту остановился на мосту и осмотрелся. Далеко-далеко падающий шар солнца будто с неслышным отсюда грохотом ударился о горизонт и рассыпался, при этом его раскаленные лучи брызнули во все стороны, наполнив бескрайнюю степь равнодушной пылью вечернего

безмолвия. Мир был так огромен, а путей-дорог в нем так много, что впору было отчаяться, и сердце Армена сжалось от неясной тревоги: куда он попал, как и зачем?.. В следующее мгновение он впервые ощутимо понял, что погруженная в море теней земля кругла, и душу его неожиданно переполнила радость: он открыт и для жизни, и для смерти, и для победы, и для поражения...

Дойдя до первого перекрестка, он снова немного помешкал: дороги, точно бесчисленные морщины, бороздили темнеющее лицо страны. Где-то далеко отсюда едва угадывались в наступающих сумерках поселки, села, города, напоминающие то здесь, то там случайно выросшие в этой бесплодной и бескрайней степи густые кустарники, и Армен невольно вспомнил сидевшую на обочине дороги торговку пирожками.

«Будто морщинистое лицо той старухи», – подумал он о земле, по которой шел.

Слева от него по узкой и бугристой дороге двигалось темное пятно. Непроизвольно Армен тоже повернул влево: наверняка это человек, у которого можно что-то узнать. Немного погодя навстречу ему из сумерек выплыло какое-то существо, припадавшее на одну сторону. По легкому покачиванию вытянутого тела Армен догадался, что это собака. Заметив человека, она замерла, потянула носом воздух, а затем продолжила путь. По всей вероятности, это был бродячий пес, побитый и голодный. «Какая...» – подумал Армен и, остановившись, достал из рюкзака пирожок и протянул его навстречу собаке. Та, к удивлению Армена, сделав большой крюк, обошла его и равнодушно побежала дальше; судя по всему, конечным пунктом ее маршрута был лес, где она намеревалась переночевать. Армен посмотрел ей вслед, и в следующий миг мурашки поползли у него по телу: это был вовсе не бродячий пес, а самый настоящий волк; остановившись на перекрестке, он тоже обернулся и посмотрел на Армена сверкнувшими в полумраке глазами. Некоторое время Армен и волк не сводили друг с друга взгляда. Потом волк отвернулся и медленно удалился в сторону прибрежных кустов, а Армен продолжил путь.

Солнце уже зашло, однако ало-оранжевое зарево все еще освещало горизонт, и от этого вокруг казалось еще темнее, чем было на самом деле. Армена не покидало чувство, что он месит ногами уплотняющийся сумрак. Тишина дороги поглощала звуки его шагов, которые, смешиваясь с дыханием, порождали в нем приятное чувство легкости непрерывного движения. Ноздри ему щекотала терпкая смесь запахов им же поднимаемой пыли – явный признак того, что он уверенно владеет дорогой. Он шел вперед, не глядя под ноги, искусно обходя при этом рытвины и ухабы, поскольку вырос среди скал и ущелий и здешние дороги были для его

привычных ступней детской игрушкой. Внимательно глядя по сторонам, он всматривался в каждый камень и кустик, ибо знал: он здесь не один, степь незримо, но внимательно следит за каждым его движением. И это чувство взаимопочтения согрело ему душу...

Спустя немного времени слух его уловил какие-то новые звуки. Обернувшись, он уставился в темноту: глухое, мерное гроыхание, словно доносившееся из-под земли, постепенно приближалось, вскоре к нему присоединился монотонно-ритмичный топот. Армен невольно затаил дыхание, когда из темноты перед ним выросло нечто огромное, фыркающее и вздыхающее, и в тот же миг он уловил знакомый запах лошади и травы. Это была обычная крестьянская телега, которую тащила лохматая лошадь. На козлах развалился дюжий сельчанин; по-видимому, он возвращался из леса. Поравнявшись с Арменом, телега остановилась. Обрадованный Армен дружески поздоровался с возницей и подчеркнуто любезно поинтересовался, может ли тот подбросить его до ближайшего населенного пункта. Возница не удостоил его ответом, он сидел молча и неподвижно, его голова четко вырисовывалась на фоне угасающего горизонта, но лица не было видно. Армен, не мешкая, сел в телегу, и та тут же покатила дальше.

– В ваших краях много волков? – начал Армен разговор, удобно устроившись на мягкой соломе. – Я только что встретил одного. Сперва мне показалось, что это собака, а пригляделся – волк... – Армен улыбнулся.

Возница никак не отреагировал. Видимо, это был угрюмый и неразговорчивый сельский мужик, не склонный к дружеским беседам.

Армен немного смутился, потом, вспомнив о пирожках, извлек из пакета несколько штук и, придвинувшись к передку телеги, благодарно протянул их вознице.

Возница не шевельнулся, не повернул головы. Армен в недоумении отдернул руку, в голове у него пронеслась мысль о том, что вот так же и волк отверг протянутый им пирожок, и его охватило странное чувство. Армен проглотил слюну и попытался получше разглядеть возницу, но кроме лохматых, не знавших гребня волос и темного силуэта ничего невозможно было разглядеть. Вскоре он забыл о вознице и поднял глаза к небу, сгущавшийся мрак которого словно стремился подчинить себе все пространство. Армен невольно сравнил его с небом над родным селом – высоким и бездонным, переливавшимся веселым и ярким фейерверком бесчисленных звезд. Убаюканный покачиванием телеги и монотонным топотом копыт, он вскоре задремал, погрузившись в мир сладких сновидений и согревающих душу воспоминаний...

Он проснулся в мучительной тревоге; приснилось, что на лицо ему наброшена невидимая металлическая сеть, от которой он не может освободиться: изо всех сил пытается оттолкнуть ее руками, но запутывается в ней еще больше. Армен откинулся на борт телеги, почувствовал острую боль в спине и окончательно пришел в себя. Была уже глубокая ночь. На непроглядном небе висела круглая, похожая на фонарь луна. Степь затопили смутные тени, сумрак и тишина, в которой скрип телеги казался каким-то потусторонним звуком, доносящимся из неведомого далека. В лицо им дул пронизывающий ветер, казалось, он идет откуда-то сверху, чуть ли не с самой луны. Возница сидел так же неподвижно, за все это время его поза совершенно не изменилась. Черная, расплывчатая глыба его фигуры выглядела еще более жутко и таинственно; скупой лунный свет удивительным образом обтекал ее, и видна была лишь огромная тень, отбрасываемая на дорогу. Внезапно тьма вокруг стала еще непроглядней, будто телега въехала под какие-то мрачные своды. С трудом повернув голову, Армен увидел слева от себя большую гору, совершенно неуместную на этой пустынной равнине. Вид у нее был странный: неестественно острая вершина и зигзагообразные очертания склонов, от которых исходил тусклый серебряный отблеск.

– Что это за гора? – повернулся Армен к вознице. – Вид у нее необычный...

Возница и на этот раз ничего не ответил. «Может быть, он глухонемой?..» – подумал Армен. Его охватил страх, сердце тревожно заколотилось. Ему захотелось вскочить с места и встряхнуть возницу – зачем, он и сам не смог бы объяснить, – когда телега резко свернула

вправо и, немного проехав, остановилась. Армен глянул в сторону возницы, но перед ним был лишь непроницаемый мрак. Он, тем не менее, хотел спросить у возницы что-то еще, но почувствовал, что не может. Непроизвольно соскочил с телеги и подошел к нему, чтобы хотя бы попрощаться, но телега неожиданно тронулась с места. Армен замер, ему почудилось, что он видит сквозь мрак большие и сверкающие глаза возницы...

Какое-то время он ошарашенно смотрел вслед телеге, которая словно растворилась в темноте. Не было слышно ни скрипа, ни топота копыт. Армен сделал несколько шагов, но с удивлением обнаружил, что тут нет дорог, только бугристая равнина с небольшими курганами и колючим кустарником. Армен пожал плечами и вернулся. Когда он вышел на дорогу, перед ним снова возникла гора, чья смутная тень властно возвышалась на фоне беззвездного неба; она казалась недоступной и была похожа на гигантскую колонну, подпирающую небосвод. Гора непреодолимо притягивала его к себе. Он пересек дорогу, продрался через кустарник и направился к ней. Подойдя ближе, ошеломленно остановился: гора испускала тошнотворный запах, от которого у него закружилась голова. Наверняка это была мусорная свалка какого-то ближайшего города. Армена развеселила неожиданная мысль: разве невозможно разгрести эту гигантскую, зловонную кучу мусора? Конечно, возможно. Если захотят, он мог бы это сделать. Один. Без чьей-либо помощи. Он будет работать день и ночь, пока от горы не останется и следа. Ее просто не будет, она перестанет существовать, исчезнет вместе со своим смрадом. И за всю работу ему заплатят столько, что вполне хватит на ремонт отцовского дома... Эти мысли так окрылили Армена, что он погрузился в мечты: представил обновленный родительский дом – высокий, крепкий и светлый...

Он деловито подошел вплотную к подножию мусорной горы. Внимательно всмотрелся – постепенно свалка стала ему чем-то нравиться, даже вонь уже не казалась такой невыносимой. «Это всего лишь запах... – подумал он, – такой же, как любой другой...» Он похлопал ладонью по нескольким разбитым бочкам, наполненным грязью и какой-то маслянистой жидкостью, и те ответили глухим звуком. «Она могла быть и больше...» – решил он, скользнув взглядом от подножия до вершины горы. Из ближайшей темной щели послышался шорох крысиной возни, потом одна из крыс с отчаянным писком выскочила наружу и испуганно метнулась прочь, а вслед за нею появилась другая, более крупная, и яростно бросилась вдогонку. Первая крыса с невероятной скоростью достигла вершины горы и там исчезла; вторая же, на ходу передумав, вернулась, смело пробежала недалеко от ног Армена и влезла в какую-то черную круглую дыру. Ему сейчас нравились даже эти крысы...

Определившись в своих дальнейших планах, он хотел повернуть обратно, как вдруг ему почудились далекие человеческие голоса. Обойдя бесформенные груды металла, он вышел к противоположной стороне горы и остановился у довольно большой воронки, глубокой и темной. Ничего нельзя было разглядеть. Он хотел повернуть обратно, когда снова услышал те же звуки, но уже отчетливее. Пройдя по краю воронки, Армен обогнул ее и поднялся на окаменевший песчаный пригорок. Взору его предстал залитый лунным светом противоположный склон мусорной горы, который он не мог видеть с дороги и который, казалось, простирался до самого горизонта. Повсюду на этом пространстве – снизу и почти до вершины – копошилось множество людей. С превеликим усердием они рылись в мусорной куче и время от времени издавали радостные крики, находя что-то нужное: пустую бутылку, кусок материи, книгу, ведро или штык лопаты... Это были нищие, бездомные бродяги, пьяницы и наркоманы, убогие и увечные люди, которых Армен иногда встречал во время своих скитаний. Мужчины и женщины – молодые и старые, больные и здоровые, в грязных лохмотьях, опустившиеся, с одутловатыми лицами, с застывшим безразличием в глазах... Армен нахмурился, наблюдая эту безрадостную картину. Взгляд его остановился на пожилой женщине и мужчине среднего роста, которые одновременно нашли нечто похожее на одеяло и теперь орали друг на друга, желая завладеть находкой. Женщина, по-видимому, пыталась доказать, что она первая нашла одеяло,

выкрикивая что-то хриплым голосом. Мужчина утверждал обратное и осыпал женщину проклятиями. Спор кончился тем, что к ним, хромая, подошел человек с большой головой и внушительной фигурой. В руке он держал за горлышки гроздь пустых бутылок. Человек этот что-то сказал спорящим и торжественно встал рядом с ними, сверкая глазами. Некоторое время громила выжидал, с безучастным видом поглядывая по сторонам, и вдруг схватил одеяло своей огромной ручищей и стал стремительно спускаться по склону. Мужчина бросился за ним, но споткнулся в скользкой жиже, упал и скатился в какую-то яму. Женщина с воплями поспешила ему на выручку. Она уселась рядом, положила его голову себе на колени и принялась гладить его и успокаивать. Мужчина вдруг резко вскочил и стал лихорадочно разгребать то место, на которое упал. Вскоре он вытянул из-под груды мусора кожаную безрукавку, издал ликующий крик и подпрыгнул от радости. Какое-то время женщина смотрела на безрукавку с грустной завистливой улыбкой, потом уронила голову на колени и съежилась. Мужчина немного подумал, бросил безрукавку ей на плечи и двинулся к вершине, по пути с новой энергией разгребая мусор толстой палкой, найденной неподалеку...

Армен опустил голову и устался себе под ноги. Так было надежнее: голоса людей, их крики, плач, смех теперь словно доносились издалека. Расчистить это место, убрать гору мусора – значит лишить этих людей последней надежды...

Он спустился с пригорка и вошел в заросли кустарника. Остановившись у края дороги, бережно стряхнул с одежды пыль и приставшие колючки и, прежде чем продолжить путь, оглянулся: гора мусора незыблемо стояла между землей и небом и, казалось, ничто не в силах нарушить ее безмятежный и величественный покой...

Армен повернул голову, осторожно ощупал секретный внутренний карман на поясе: те небольшие деньги, что он заработал, очистив колодец в одном из крестьянских дворов, были на месте. Он улыбнулся и закинул рюкзак на плечо.

Глава вторая

1

Он вошел в город с восточной стороны, когда землю уже окутала крошечная ночь. Судя по мерцающим в темноте редким огням, по беспорядочно разбросанным и утопающим в зелени деревьев небольшим приземистым домам, это был скорее поселок, широко и привольно расположившийся на обоих берегах реки, густо поросшей камышом. Армен не сумел найти таблички с названием города. И хотя особого значения это не имело, все же знание имени – как и при знакомстве с людьми – обычно внушает определенную уверенность. На окраине, во дворе уединенного дома, он заметил какое-то живое движение, но когда подошел ближе, чтобы справиться у хозяев о названии города или о дороге на автовокзал, за решеткой двора к нему метнулась тень огромного сторожевого пса. Вздвигнув, Армен отпрянул и пошел прочь, провожаемый яростным лаем и злобно горящими во мраке глазами. Вдалеке под тусклым светом одинокого фонаря он увидел припозднившуюся корову, но пока поравнялся с домом, хозяин уже завел ее во двор и запер ворота. Оказавшись после бескрайнего и равнодушного безмолвия степи среди живых звуков, Армен испытывал такое чувство, точно попал в другой мир, в котором на него со всех сторон могут напасть из засады, и даже тьма в нем темнее и на каждом шагу предательски подкрадывается и дышит в затылок. Его охватило ощущение безнадежного одиночества и покинутости, однако он так вымотался, что остался глух и безразличен; его волновало лишь одно – поскорее отыскать автовокзал и там кое-как переночевать.

2

На автовокзале было довольно оживленно. Грохот машин, гул разговоров будто стремились отогнать сонливость, незримым облаком повисшую под гулкими сводами вокзала, а площадь перед ним, окаймленная темным забором, за которым чернел лес, напоминала огромный бугристый лоб спящего великана, по которому, словно ночные тени, снуют люди-муравьи. Перейдя реку и оставив позади сквер, Армен оказался в суматохе и гомоне вокзала и облегченно перевел дух: теперь он в безопасности – и до чего же приятно быть безликой и безымянной частичкой толпы! Все, что здесь происходило – шум, движение, суматоха, – казалось каким-то ночным сновидением, которое улетучится в любую минуту, едва спящий проснется. Армен улыбнулся, увидев как бы подтверждение своих мыслей: сидевший под стеной старик с неприметной внешностью проснулся и широко зевнул в тот самый миг, когда он проходил мимо.

Небольшой зал ожидания был переполнен, некоторые спали вдоль стен, обняв свои вещи, иные сидели или полулежали на облупившихся, а кое-где и разбитых скамейках, вполголоса разговаривая, перекидываясь в карты или уставившись в одну точку в ожидании своего маршрута. Через противоположную дверь Армен вышел во внутренний двор, и в нос ему ударила едкая вонь, исходившая от мокрых стен, на которые несколько типов как раз мочились, воровато озираясь. Армен прошел дальше, покругил по двору, взгляд его скользнул по небольшой группе мужчин и женщин, которые пили пиво, укрывшись за железным мусорным баком, потом он вернулся, так и не найдя удобного места, где можно было бы прикорнуть. Продолжая поиски, он снова вышел на площадь, ему подвернулась какая-то заплутавшая девочка. Армен остановил ее, взял за пухлую ручку и подождал, пока не подбежала сурового вида мать и, грубо схватив малышку за плечо, не увела, без конца шпыняя. Армен невольно проводил их взглядом, а потом заметил, что остановился там, где только что сидел зевавший старик, но ста-

рика уже не было, и место пустовало. Армен тут же устроился на освободившемся клочке пространства и, полулежа на боку и опираясь на рюкзак, прислонился спиной к стене. Справа от него, упав головой на грудь, спала богатырского сложения крестьянка, ее толстые руки властно лежали на бесчисленных мешках, придавая ей сходство с большой наседкой, а слева, крепко прижав к груди толстую папку и мерно посапывая, дремал худой волосатый мужчина с недовольным лицом. Армен сомкнул веки и тут же испытал странное чувство, будто он и есть тот старик с неприметной внешностью, только что здесь сидевший. И мгновенно все потеряло для него значение, и он забыл, кто он такой, и где находится, и существует ли вообще – все растворилось в забвении, и вместо сна он погрузился в какое-то напряженное оцепенение...

Из этого состояния его вывел сонный женский голос, оповестивший по репродуктору о прибытии какого-то автобуса. Свободных мест в нем не было. Выскочив из зала ожидания наружу, люди столпились у двери автобуса, всячески пробуя разжалобить водителя, а тот, массивный мужчина с бычьей головой, ни на кого не глядя, повторял небрежной скороговоркой, что мест нет... На лице у него лежала печать надменно-величественной усталости и непреклонности, точно это он по своему усмотрению решает судьбу людей, судьбу мира, судьбу всей Вселенной...

– И мою судьбу тоже... – непроизвольно пробормотал Армен и вдруг увидел в толпе знакомое, как ему показалось, лицо человека, которому он на какой-то станции помог подняться с земли, поскольку тот был мертвецки пьян: тогда отбросив в сторону рюкзак, он бросился к упавшему, вызвав благодарное удивление пассажиров. Человек тот был неизвестного рода племени – лысый, с узкими, точно иглой прочерченными глазами и козлиной бородкой. Как только Армен помог ему подняться и отошел, пьяный свалился снова, и в ответ на это падение женщины, толпившиеся у кассы, громко засмеялись, а какой-то мужчина выругался...

Автобус тронулся, заглушив шумом мотора и выхлопами недовольный ропот и ругань разочарованных людей. На миг в толпе возникло какое-то волнение, но вскоре все успокоилось – и снова ночь, и трудно было уловить в ней что-то иное, кроме острого болотного запаха и отвратительного зудения комаров... Армен глубоко вздохнул и закрыл глаза, но сон пропал окончательно, осталась лишь напряженная усталость. Он пробовал поудобнее устроиться на бетонном полу, но почувствовал, что голоден. Вытащил пирожки и стал осторожно грызть, с радостью отметив, что на сей раз голод заглушил боль в деснах.

То и дело отмахиваясь от комаров, он ел, невольно прислушиваясь к аппетитному хрусту пирожков, доносящемуся до его слуха как будто из темных глубин неба...

Съев все до одного пирожки и мысленно благословив старушку у обочины дороги, Армен стряхнул с себя крошки и, когда поднял голову, остро ощутил наступившую вокруг тишину. Он с удивлением огляделся: автовокзал был почти пуст и погружен в полумрак, горел лишь большой фонарь у главного входа, расплывчатый свет которого безучастно качался над площадью. Люди исчезли, точно по волшебству. Не было и его соседей – ни женщины, ни мужчины, вожаемые места у стены пустовали. Похоже, он все-таки незаметно для себя уснул, и в это время люди разошлись.

Армен встал и обошел автовокзал: кроме лежавших там и здесь нескольких пьяниц, никого не было. Неожиданно в той части площади, что примыкала к лесу, он увидел павильон, который был еще открыт; пожилая женщина собирала тарелки и расставляла по местам стулья, по-видимому, собираясь уходить. Армен почувствовал жажду и чуть не бегом направился к павильону, чтобы успеть до закрытия выпить хотя бы стакан воды.

– Тетушка, можно попросить у вас воды? – обратился он к женщине, которая в этот момент скрылась за прилавком и, нагнувшись, гремела посудой. Услышав обращенные к ней слова, она выпрямилась и Армен обомлел: это была молодая красивая женщина с большими и живыми миндалевидными глазами, прямым изящным носом и завитками черных волос.

Армен растерянно умолк.

Женщина не ответила: некоторое время она внимательно разглядывала Армена, потом вдруг весело прыснула. Смех ее звучал открыто и приглашающе.

Армен смутился еще больше.

Женщина ушла куда-то в глубину павильона и вскоре появилась со стаканом воды.

– Ты армянин, – сказала она, – ищешь работу...

Осушив стакан, он кивнул.

– А зовут тебя, наверное... Армен... Да ведь все армяне – Армены, – засмеялась она.

Он улыбнулся и вернул стакан.

– И спать тебе негде... – продолжала женщина с каким-то жизнерадостным сочувствием.

Армен обратил внимание, что она как бы ласкает пальцами пустой стакан, и вспомнил о том, что до сих пор не выяснил, где находится.

– Этот поселок... как он называется? – спросил Армен и тут же почувствовал, что вопрос касается скорее хозяйки павильона, чем поселка.

– Это город, – поправила она, делая вид, что немного уязвлена. – Открытый, гостеприимный, приятный город... Вечный город...

– Извини, – сказал Армен. – Значит, этот вечный город называется...

Женщина указала пальцем вверх.

Армен отступил на шаг и прочитал вывеску.

– Китак?..

– Сара, – улынулась женщина и после легкого колебания протянула Армену руку.

Ее ладонь была влажно-липкой, и Армен на миг почувствовал бескрайность ночи и в ней – всепоглощающий мрак леса, раскрывавшийся подобно гигантскому цветку... Он непроизвольно отдернул руку и, встретив пристально-изучающий взгляд женщины, подумал, что это рукопожатие как бы закрепило некий тайный союз между ними, отчего в груди у него шевельнулась приятная и смутная тревога.

– А знаешь, Армен... – с какой-то интимной деловитостью сказала женщина и после небольшой демонстративно-задумчивой паузы продолжила уже более безразличным тоном, – у меня есть хорошее предложение... Хочешь переночевать в приличных домашних условиях?..

– Не могу себе позволить такую роскошь, – признался Армен. – Гостиница мне не по карману...

– Нет, ты меня не понял, – улынулась женщина. – Ты можешь переночевать у меня дома, на чердаке, на такой мягкой соломе, что ни одна постель с ней не сравнится... – В ее голосе прозвучали бархатные нотки, невольно напомнившие ему ту внезапно опустившуюся на автовокзал безлюдную и сонную тишину. – Никакой оплаты не потребую, только посмотри мой дверной замок, не знаю, что с ним, ключ входит, но не проворачивается, поневоле приходится оставлять дверь открытой, только прикрываю, когда уйду на работу...

Армен колебался: перспектива спокойно отоспаться, восстановить силы его очень привлекала, но, с другой стороны, какое-то смутное чувство мешало ему принять приглашение.

– Я сейчас... – заметно оживившись и не дожидаясь его ответа, сказала женщина и скрылась в подсобке. В открытую дверь, однако, было видно, как она ухитрилась втиснуть в доверху набитую сумку пузатую початую бутылку вина и вскоре появилась уже с двумя большими сумками, наполненными продуктами.

– Завтра в больницу иду... Мишу, сыночка своего, проведать, – немного смешавшись, сказала женщина и попыталась поднять и положить на прилавок одну из тяжелых сумок.

– А чем он болен? – Армен взял обе сумки, перенес их через прилавок и поставил на пол. При этом он почувствовал, что упоминание о больном сыне женщины окончательно развеяло его сомнения.

– Не знаю... врачи тоже ничего не могут понять... Может быть, у него печень больна... – Женщина печально вздохнула и, окинув Армена коротким и острым взглядом, едва заметно улыбнулась. – Мой дом недалеко отсюда... на том берегу реки...

Она выключила свет и заперла павильон.

3

Легонько покачиваясь на высоких каблуках, женщина шла впереди властной походкой, ее широкие бедра медленно и плавно покачивались в тусклом свете привокзальной площади. Трепетание темных волос, рассыпавшихся по узкой и гибкой спине, едва заметная дрожь округлых линий тела были в этой ночи как будто эхом давнего потерянного воспоминания. Армен почувствовал вдруг, что в нем поднимается волна желания, и это его испугало. Он, нагруженный, точно выючное животное, следует за незнакомой женщиной, как раб за своей госпожой, и было в этом что-то унижительное, какой-то примитивный обман. Оба они хорошо знают, куда и с какой целью направляются, и их молчание – откровенное бесстыдство. Армен недовольно фыркнул, ему захотелось сказать женщине, что для него не так уж и важна проблема ночевки, он человек привычный и вполне может поспать на скамейке в автовокзале, но подумал, что это будет трусливым бегством, позорным поражением. Шедшая перед ним женщина хорошо понимала все это и не считала нужным даже оглянуться. Ясно, что она более чем уверена в своей неотразимости. Армен сник...

Когда они покидали площадь, чуть поодаль, под какой-то полуразвалившейся стеной, Армен заметил необычное движение. Присмотревшись, он сумел разглядеть: то был жалкий калека, в невероятных муках он пытался встать, однако всякий раз костыли скользили в разные стороны и он снова падал. В тишине до них доносились его глухая отчаянная ругань и беспомощный стук костылей. Судя по всему, человек был или пьян, или... Очередная неудачная попытка кончилась тем, что калека довольно сильно ударился головой о стену и хрипло вскрикнул в голос. Армен поставил сумки на землю и двинулся было на выручку, но его неожиданно остановил голос Сары, прозвучавший холодно и властно:

– Не делай этого, Армен, он не нуждается в твоей помощи!..

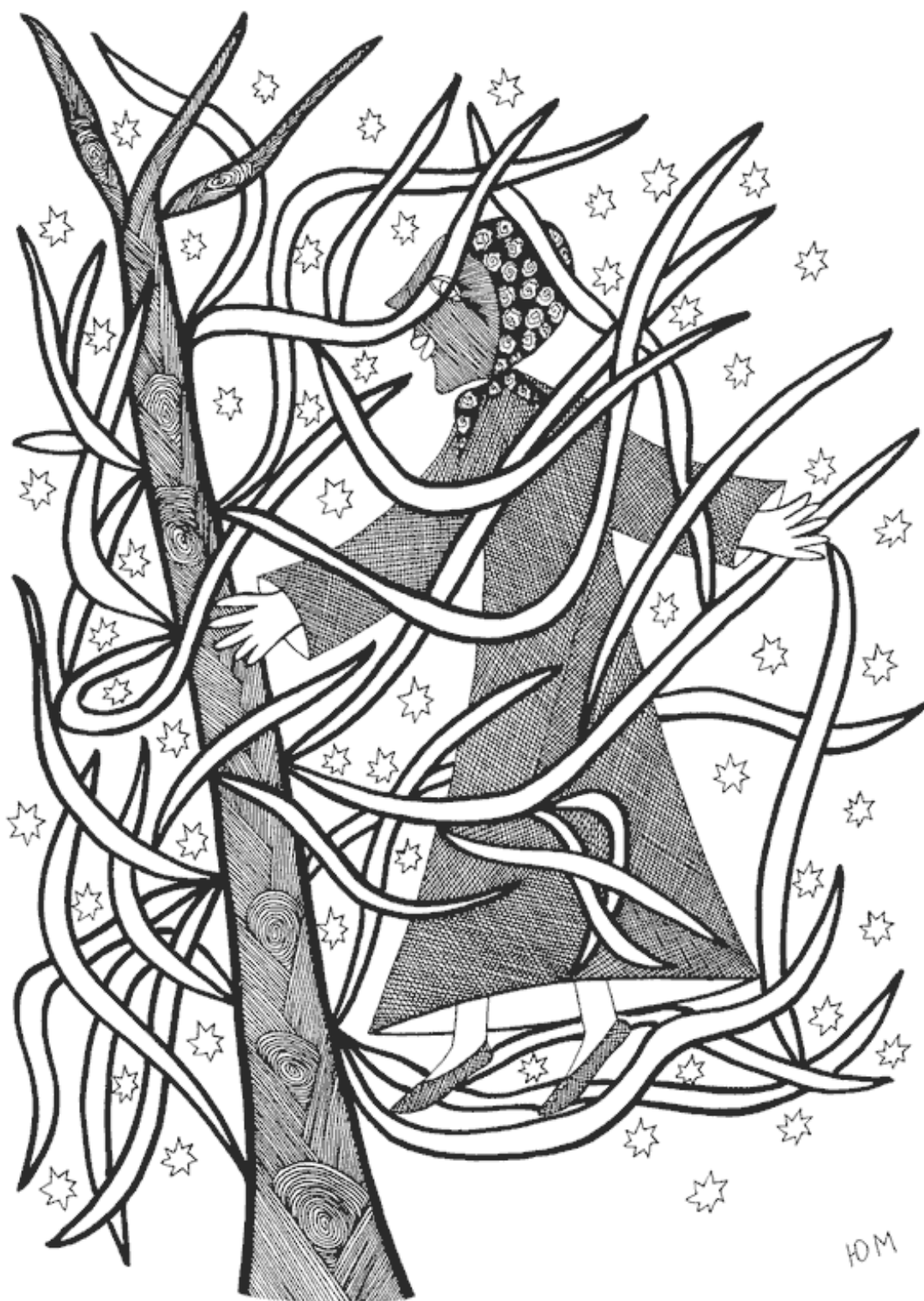
Армен резко обернулся: Сара не мигая смотрела на него с улыбкой, в которой таилась угроза, и он подчинился – покорно поднял тяжелые сумки и вновь последовал за нею, отметив про себя, что бессилён противиться обаянию искушенной женщины. Вскоре они достигли погруженного в сумрак леса. На тропинке перед ними выросла похожая на тень фигура. Человек подчеркнуто вежливо поздоровался с Сарой и насмешливо взглянул на Армена, однако Сара его откровенно проигнорировала, а Армен непроизвольно опустил голову и прошел мимо.

Темноту леса сменило сияние луны, а река казалась разделяющей их тусклой границей. Армену чудилось, что он и Сара – две неразличимые тени, безмолвно скользящие в жуткой ночи. Дороге не было конца. Переходя через какой-то ручей и нечаянно столкнувшись с Сарой, Армен ощутил ее упругую грудь, и сердце у него дрогнуло. Ему показалось, что это прикосновение имело некий тайный лунный смысл, как-то их связало. Через некоторое время Сара свернула с дороги и вошла в небольшой дворик, окруженный ветхим, покосившимся забором.

Дом производил впечатление давным-давно покинутого людьми жилища. Это скорее была жалкая лачуга, заметно скособоченная, с грубо сколоченной дверью, выделявшейся точно след пощечины на лице, с небольшим выходящим во двор оконцем и с высокой, поросшей травой крышей, готовой в любую минуту обвалиться. Казалось, кривая лачуга стоит здесь, под этой луной, с незапамятных времен и будет стоять до скончания века...

По-хозяйски уверенным шагом Сара подошла к двери, и Армену стало понятно, что, как бы то ни было, она владелица этого дома и все здесь для нее дорого и близко.

– Подожди меня, я сейчас...

Не дойдя до ступенек, Сара свернула в сторону двора, и Армен заметил за забором небольшого огорода какую-то массивную тень, которая вдруг зашевелилась, а затем послышался глубокий вздох, подсказавший ему, что это корова. Ее присутствие сразу сделало этот дом, этот двор, этот огородик чем-то знакомым и понятным.

Армен присел на ветхую деревянную ступеньку и устало поднял глаза. Сквозь призрачный лунный свет где-то вдалеке он различил знакомое созвездие Рака, потом закрыл глаза и неожиданно уснул. Ему приснилось, что он стоит на какой-то звезде, а его село виднеется на макушке огромной горы, потом оказалось, что это не гора, а гигантский костер, в пламени которого стоит его отчий дом, высокий и светлый; и вот он подбегает к дому и хочет войти, однако в дверях встречает ту прекрасную девушку, о которой мечтал всю жизнь: на ней белая прозрачная одежда, она колеблется вокруг ее гибкого тела. В тоске он бросается к ней, но она протягивает руки и молча выталкивает его...

– Пошла посмотреть, подоила сегодня Саби корову или нет, хочу завтра отнести Мише молока... – Армена разбудил оживленный голос Сары. – Саби – моя сводная сестра, они с мужем Гамром живут через шесть улиц от меня, она мне всегда помогает, хорошая девочка, очень способная, мечтает стать знаменитой певицей. Поет она чудесно, особенно когда выпьет... Армен, ты что, спишь?

– Нет-нет, – невольно стал оправдываться Армен и в темноте улыбнулся. – Я просто задумался...

– Не думай, все будет хорошо, – поднимаясь по ступенькам, сказала Сара. – Сейчас я уже знаю здесь всех влиятельных людей, мы обязательно найдем тебе какую-нибудь работу... Ну, ты, наверное, мастер... – толкнув дверь, добавила она, как показалось Армену, с едва уловимой лукавой насмешливостью в голосе. – Я скажу Скорпу, он поможет. Скорп – архитектор Китака, бог и царь нашего города, все дела проходят через его руки, мне он не откажет, – с таинственной улыбкой заверила Сара. – Иди в гостиную, чувствуй себя как дома...

Сара включила свет. Армен удивился: коридор был такой узкий, что двоим не разминуться. На низком грязном потолке и по углам темнела паутина, а в старом, подгнившем полу зияли щели. В доме стоял устойчивый влажнечесночный запах, к которому примешивался приторносладкий аромат женских духов.

– Да, а где же твой испорченный замок?.. – смутившись, спохватился Армен и так поспешно повернулся к двери, точно собирался сбежать.

На затворе двери висел тяжелый грубый металлический замок, в котором торчал такой же грубый ключ. Замок был старый и ржавый, и не верилось, что им когда-то пользовались.

– У тебя есть постное масло? – спросил Армен. – Принеси, попробую что-то сделать...

– Оставь, это не к спеху, – мягко сказала Сара. – Потом попробуешь, давай сперва перекусим. У меня в глазах темно от голода...

Она взяла сумки, вошла в гостиную и скрылась за какой-то занавеской.

– Представляешь, за весь день у меня не было ни одной свободной минуты, чтобы что-то бросить в рот, – объяснила она оттуда.

Армен прошел к противоположной стороне стола и сел на самодельный стул без спинки. Гостиная, служившая, по-видимому, одновременно и столовой, и спальней, представляла собой небольшую продолговатую комнату с побеленными известью стенами и была разделена на две части свисавшей до пола розовой занавеской. Напротив стояла скромная незастеленная деревянная кровать. В комнате была еще высокая и тоже грубо сколоченная тахта, покрытая выцветшей, похожей на войлок тканью, а рядом – широкий и низкий комод, на котором бойко стучали старые металлические часы, показывавшие ровно полночь. Над тахтой, примерно по центру стены висела взятая в рамку фотография пожилого человека с густой и длинной бородой; может быть, отца Сары, хотя никакого сходства между ними Армен не уловил...

Опершись локтями о стол, Армен зевнул, вскинув голову, и внезапно его охватила такая глубокая печаль, что даже сердце зануло. Все показалось ему бессмысленным и нереальным: сам он – как бы мужчина, Сара – как бы женщина, лачуга – как бы дом, свет – как бы освещение, стол – как бы мебель... Все это иллюзия, ночной мираж, их в действительности нет... Армен криво улыбнулся, и взгляд его остановился на стоявшем чуть боком к нему зеркале,

в котором отражалось детское лицо. Он удивился тому, что только теперь заметил зеркало и, повернув голову, обнаружил маленькую фотографию, с которой на него смотрел мальчик лет десяти-двенадцати с грустным и, как показалось Армену, отмеченным печатью близкой смерти личиком. Очевидно, это и был больной сын Сары Миша с ангельски кроткими чертами и повзрослому сосредоточенным взглядом. На миг Армен представил себе его лежащим в одиночестве в полумраке больничной палаты, и ему подумалось, что, в сущности, мальчик уже мертв и он присутствует сейчас на его поминках...

– Извини, я немного замешкалась... – услышал он делано бодрый голос Сары.

Зажав под мышкой графин с вином и держа в руках тарелки с закуской, она вышла из-за занавески и плавно приблизилась к столу. Она успела переодеться: на ней было короткое домашнее платье, легкое и широкое; иногда распахиваясь, оно подчеркивало несомненные достоинства ее фигуры. Ставя кувшин на стол, она наклонилась, и взгляд Армена невольно упал на ее обнаженные груди в разрезе платья; они были так близко, что ему показалось, будто он чувствует их трепет и аромат. И на какое-то мгновение он погрузился в ту глубокую и замкнутую тишину, которая обволакивала его на краю полного теней ущелья у родного села, когда он трогал ладонью извилистые морщины горячих скал, склонившихся над бездной. Он беспокойно шевельнулся, и Сара уловила смысл этого движения: губы ее тронула лукавая улыбка... И Армен почувствовал в груди неожиданную щемящую боль: ему показалось, что он изменяет неизвестному, но бесконечно любимому и родному человеку. Потупив глаза, исполненный отвращения к самому себе, он сморщил лоб и еще ниже наклонил голову к столу.

– Если хочешь спать, поднимись на чердак, крепко прижми к себе солому и спи... – с едкой усмешкой сказала Сара, сев на кровать. – Может быть, нальешь нам вина, молодой человек?..

Армен встрепенулся и, встретив коварно-испытующий взгляд Сары, смутился. Наполняя бокалы, он пролил каплю на скатерть, и вино, похожее на кровь, тут же впиталось в белую ткань. Это невольно напомнило Армену то, что произошло с ним в лесном селе...

– Ешь, я знаю, что ты голоден, – с неожиданной нежностью сказала Сара и, не ожидая ответа, сама накинулась на еду.

Армен взял кусочек хлеба с сыром и стал медленно жевать, глядя на движения Сары, в которых была какая-то лихорадочная поспешность.

Пока они ужинали, Армен рассказал ей о затерянном в лесу селе, об убитом малыше, о старушке на обочине дороги, продававшей пирожки, похожие на шарики из теста. При этом он искусно обошел происшедший с ним случай. Сара слушала, опустив голову и ни разу на него не взглянув.

– Гм, интересно... – вытирая губы, безразличным тоном сказала она, и лицо ее чуточку омрачилось. – Выпьем за наше знакомство... – Она подняла свой бокал и придвинулась ближе к нему; от этого движения подол ее платья чуть приподнялся, обнажив полные соблазнительные бедра.

Вино было густое и терпкое. Из чувства самолюбия Армен выпил до дна и ощутил такую слабость и усталость, что комната медленно поплыла у него перед глазами. Как сквозь густой туман он увидел Сару: наклонив голову, точно к чему-то готовясь, она водила по скатерти кончиком кухонного ножа. Армен улыбнулся: эта женщина принадлежит ему, она сидит здесь ради него, она существует для него...

– Армен, ты в жизни много книг прочитал? – вдруг спросила Сара, опершись локтями на стол. Голос ее прозвучал непривычно грустно и озабоченно.

– Почему ты спрашиваешь? – удивился Армен. Усталость его как рукой сняло.

– Ну... знаешь, мне кажется, что болезнь у Миши... как бы это сказать... не телесная, а душевная... Мне это подсказывает мой материнский инстинкт... Понимаешь, Миша с малых лет был неразговорчивым ребенком. Не любил ни играть, ни читать. Его ничто не интересо-

вало. Всегда садился на вторую ступеньку нашей лестницы – почему именно на вторую, не могу объяснить, – садился и смотрел в одну точку. Что он видел перед собой и о чем думал, никто не знал, и он никому не говорил. Я решила, что это у него такой характер... ну, ребенок уж таким уродился, что тут поделаешь. Ко мне тоже был безразличен, даже больше – смотрел почти враждебно. Не давал себя обнять, приласкать, всегда отталкивал меня, будто я ему не мать, а чужая, посторонняя женщина. Единственный, кого Миша любил, – вот это ничтожество... – Сара с ненавистью показала на висящую на стене фотографию бородатого человека. – Этот грязный развратник!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.